
Владимир СОГРИН

Интеллигенция и реформы

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что интеллигенция сыграла решающую роль в том крутом историческом повороте, который наше общество совершило на протяжении последних лет. Она выдвигала программы социально-политического обновления, внедряла их в общественное сознание при помощи средств массовой информации. Она организовывала оппозицию, создавала политические партии и объединения, отстранившие от власти номенклатуру КПСС. Конечно, радикальная трансформация общества не была делом рук одной интеллигенции, активность проявляли и другие социальные слои: движение шахтеров, например, существенно способствовало изменению соотношения сил между консерваторами и радикалами в пользу последних. Но все же роль идейно-политического авангарда в свершившихся переменах принадлежала, безусловно, интеллигенции.

Ее идейно-политическая активность нарастала вопреки весьма популярной среди радикалов концепции, порицавшей исторический опыт подвижничества российской интеллигенции. Здесь можно упомянуть о том, что сборник «Вехи» начала XX века, устами Н. Бердяева, С. Франка, П. Струве решительно осуждавший притязания интеллигенции на роль идеологического и политического авангарда в обществе, приобрел необычайную популярность среди части современных наших интеллектуалов. Но на политическую практику наших современников эти знаменитые заветы никак не повлияли: интеллигенция продолжала активно будоражить общество, призывая его сокрушить до основания тоталитарные структуры и вновь попытаться утвердить на их месте царство разума, на этот раз не коммунистическое, а либерально-демократическое.

Среди интеллигенции тон задавали представители науки, журналисты, писатели, работники культуры, в целом люди творческих профессий. Научная община выдвинула Г. Попова, А. Собчака, С. Шахрая, Р. Хасбулатова, А. Мурашева, С. Станкевича, Е. Гайдара — ограничься в данном случае только несколькими известными именами, которые сегодня значатся уже в политическом истеблишменте. Журналистская и писательская среда дала авангарду преобразовательного процесса Ю. Черниченко, А. Адамовича, В. Коротича, О. Лациса, Ю. Щекочихина и многих, многих других. Представители науки и творческих профессий доминировали не только в политическом и идеологическом руководстве обновленного движения, но неизменно составляли большинство на массовых митингах в Москве и Ленинграде, игравших роль индикаторов и одновременно катализаторов радикально-демократических процессов.

В 1985—1988 годах главным средством воздействия радикально-демократической интеллигенции на массовое сознание, а вместе с этим свершения революции в умах и сердцах народа являлись демократические средства массовой информации, такие как «Московские новости», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Огонек», «Известия». Стремительный рост их тиражей свидетельствовал, что радикальные идеологические семена падали на благодатную почву, уже заждавшуюся этого посева. Не за горами были политические победы радикальной интеллигенции, которые сегодня в ретроспективе выглядят настоящим триумфом. Действительно, весной 1989 года на выборах народных депутатов СССР радикальная интеллигенция, не располагая никакой политической организацией, сумела нанести первый сокрушительный удар по номенклатуре КПСС, а в мае-июне 1989 года на I съезде народных депутатов СССР задала и новое направление преобразовательному процессу. Наступление и

успехи радикальной интеллигенции нарастали и далее, а в августе 1991 года она смогла привести к власти в России своих лидеров.

Августовская «бархатная» революция, последовавшая за партийно-номенклатурным путчем КПСС, стала одновременно и разграничительным моментом в новейшей истории отечественной интеллигенции. До августа демократическая интеллигенция в основном была едина, после же она начала стремительно раскалываться, и все большая ее часть переходила в оппозицию к новой демократической власти. Барометром расколов могла служить эволюция самой массовой политической организации интеллигенции — «Демократической России»: сначала из нее вышли «державники», представленные демократической, христианско-демократической и конституционно-демократической партиями (интересно, что само название «Демроссия» придумал когда-то лидер кадетов М. Астафьев), затем леворадикалы во главе с М. Салье, Ю. Афанасьевым и Л. Баткиным, а ортодоксы, продолжавшие поддерживать правительство Ельцина—Гайдара, получили в руководители малоавторитетных Л. Пономарева и Г. Якунина. В оппозицию к демократической власти переходили один за другим такие яркие представители обновленческой интеллигенции, как Т. Карягина, Ю. Власов, С. Говорухин, Н. Михалков. Еще гораздо большее число прежних златоустов радикально-демократической интеллигенции, не выступая прямо с оппозицией к новой власти, вышли из идейно-политической «игры», и их позицию можно было бы определить как пассивную обструкцию правительства. Кто из глашатаев научно-творческой интеллигенции, активно поддерживавших Ельцина и его радикальное окружение до августа 1991 года, продолжает поддерживать их и сегодня? Таких можно, пожалуй, пересчитать на пальцах. Демократические власти России теряли поддержку и рядовой интеллигенции, большая часть которой в ходе практической реализации радикального реформаторского курса испытала шок, погрузилась в состояние растерянности, глубокой депрессии.

Интеллигенция сегодня переживает глубочайший кризис, ее прежняя смычка с новым политическим истеблишментом России ослаблена до предела. И это отрицательно влияет, а в дальнейшем может оказать еще большее негативное воздействие на реформы в России. По мой взгляд, причины и мотивы этого кризиса отразились и в статье Т. Панфиловой. В ней предельно обнажены главные мотивы утраты доверия к новой демократической власти со стороны интеллигенции.

Первый среди этих мотивов — нравственный. Интеллигенция вступила в противостояние с прежним коммунистическим режимом, имея в виду четко выраженный нравственный императив: она хотела покончить с двойным стандартом старой политической элиты, которая, с одной стороны, декларировала идеалы социальной справедливости и равенства, а с другой — узурпировала лучшие здравницы, больницы, квартиры, окружали себя привилегиями, которые, как теперь хорошо известно, немислимы для политиков в «несправедливых» капиталистических обществах. Интеллигенция мечтала об утверждении гражданского общества и правового государства, где наконец-то воцарится его величество закон, где только он, а не пресловутая революционная целесообразность будет регулировать общественные взаимоотношения. Лидеры радикально-демократического движения, сами в большинстве состоявшие из научно-творческой интеллигенции, неизменно клялись в верности этим принципам.

Их забвение со стороны новой власти оказалось настолько быстрым, стремительным, что повергло интеллигенцию в состояние шока. Принципы правового государства были попраны уже в августе-сентябре 1991 года, когда начался раздел собственности, конфискованной у КПСС. В соответствии с принципами правового государства ее распределение должно было осуществляться на основе сбора заявок и их рассмотрения законодательными и судебными органами. Но на деле произошла ее узурпация органами новой власти. Все здания ЦК КПСС стали автоматически собственностью российского демократического правительства, в его ведение, а следовательно в личное пользование новой элиты, перешли дома отдыха, жилой фонд КПСС и многие другие «спецзаведения», составлявшие прежде материальный арсенал номенклатурных привилегий. Часть собственности КПСС была распределена в соответствии с «революционными заслугами»; в Москве комплекс прекрасных зданий высшей партийной школы достался Российскому гуманитарному университету, возглавляемому одним из лидеров радикальных демократов Ю. Афанасьевым, а здание-дворец заочной высшей партийной школы на Ленинградском проспекте — Международному университету, президентом которого стал другой профессор — радикал Г. Попов. Заявки же домов престарелых,

детских интернатов, даже московских районных судов, ютящихся в явно не пригодных для судопроизводства помещениях, были проигнорированы.

Дальше больше. Представители новой демократической власти, среди них профессора и доценты, гораздо быстрее, чем большевики образца 1917 года, почувствовали вкус к привилегиям. Особенно отличился на этой ниве профессор Р. Хасбулатов, председатель Верховного Совета России, ставший как бы олицетворением перерождения демократии. Скандальную известность приобрело занятие им квартиры Брежнева. Эта новенькая, с иголки квартира площадью 441 кв. м, предназначенная для бывшего генерального секретаря, но так и не занятая им, была облюбована Хасбулатовым, по-видимому, сразу после победы над партokrатами в борьбе за председательское место¹.

От этих акций, естественно, пошли «круги по воде» — коррупция скоро пронизала демократическую власть России снизу доверху. В самой же России в шоке оказались многие и многие ее горячие поборники, а известный своими демократическими убеждениями кинорежиссер Э. Рязанов в сердцах произнес: «Мне очень жаль, что у наших демократов отняли КПСС. Они тут же превратились в мародеров»².

Каковы были истоки этих, по язвительному выражению бывшего председателя Московимущества Е. Котовой. «квадратных метров революционной справедливости»³? Заключены они в существенной мере уже в самом характере и особенностях формирования демократического движения в России. В отличие от восточноевропейских стран, где оно было создано бывшими диссидентами, в России демократическое движение с самого начала оказалось под влиянием членов КПСС, тесно связанных с ее аппаратом, и даже высокопоставленных функционеров. Из диссидентов во главе демократического движения оказался, по сути, один академик А. Сахаров. Другими же его лидерами стали Б. Ельцин, бывший секретарь ЦК КПСС, Ю. Афанасьев, в прошлом руководитель Всесоюзной пионерской организации и секретарь парткома Высшей комсомольской школы, В. Шостаковский, ректор партийной школы, Р. Хасбулатов, некогда секретарь комитета комсомола Московского университета и ответственный сотрудник ЦК ВЛКСМ, А. Пинко, бывший ответственный работник ЦК КПСС, высокопоставленные сотрудники органов прокуратуры Т. Глян, А. Иванов, генерал КГБ О. Калугин. Многие из них, как, например, Афанасьев, Шостаковский, Ципко, Хасбулатов, были профессорами, а следовательно, представителями научно-творческой интеллигенции, но ученые свои степени они получили в партийных учебных заведениях. Это большевистское «родимое пятно» демократического движения и проявилось после утверждения его представителей у власти. Выяснилось, что многие из них были демократами не «по определению», не в силу убеждений, а по причине политических перипетии эпохи перестройки и гласности, причудливых размежеваний внутри КПСС.

Я далек от того, чтобы приписывать перерождение части демократов только их генетической связи с аппаратом КПСС. Есть и иные причины этого перерождения. В частности, сработал своеобразный социологический закон: элита, оказавшаяся у власти в бедном обществе, к тому же сама малообеспеченная, склонна к коррупции, приобретению привилегий в гораздо большей степени, нежели хорошо обеспеченная государственная элита в богатых обществах. Против этого закона оказался бессилён нравственный императив интеллигенции. В новом демократическом руководстве России, как и в прежде оппозиционном демократическом движении, осуществлялся альянс бунтовщиков от руководства КПСС с научно-творческой интеллигенцией. Многие представители нового истеблишмента — это чистые ученые. Но их присутствие в демократическом истеблишменте не помешало возникновению и быстрому развитию перерожденческих тенденций. Более того, как выяснилось, даже для оказавшихся у власти представителей «чистой интеллигенции» нравственный императив отнюдь не является ни единственным, ни главным критерием политического поведения.

Здесь, видимо, нужно задуматься и об органических чертах советской интеллигенции, которые по-прежнему присутствуют в ее менталитете и подсознании, определяя стиль жизни и нравственный выбор. И отнюдь не случаен тот факт, что ряд знаменосцев демократической интеллигенции — на память приходит прежде всего имя В. Коротича, — накопив определенный политический капитал, использовали его для трудоустройства в университетах США. А разве

¹ См. М и н к и н А. Руслан Хасбулатов: барин сердятся. «Новое русское слово», 4–5 июля 1992.

² Время мародеров. «Независимая газета», 28 января 1992.

³ «Московские новости», 15 сентября 1991.

случаен тот факт, что никто из представителей советской интеллигенции, вынужденных в годы застоя эмигрировать на Запад, не вернулся в Россию после утверждения в ней демократических порядков, явно предпочтя комфортное существование на чужбине трудностям переходного периода в возрождающемся отечестве?

Нарастающий разрыв между вышедшей из оппозиции новой элитой и приведшей ее к власти интеллигенцией, для которой нравственный императив продолжал сохранять первостепенное значение, проявлялся все более и более широко. Выражая возмущение интеллигенции, давшей жизнь новой элите, эмоциональный Алесь Адамович восклицал: «А уж если обращаться к руководителям, я бы сказал: вы что, очумели? В такие критические времена, на глазах у народа, терпеливого, но все выдающего, именно его интересами и пренебречь? И чего ради — ревнивого тщеславия? Еще более высоких постов и вновь проклятых привилегий! Вспомните, какими были — и вы тоже — в августе 91-го»⁴. Но среди еще большей части интеллигенции «отступничество» демократов вызывало горькое разочарование и апатию. «Руки опускались» особенно в тех случаях, когда «отступником» оказывался «чистый» интеллигент, никогда не числившийся в прошлом в партаппарате, как например мэр Москвы Попов, особо проявивший склонность к командно-административным методам политического управления сразу после победы демократии над путчем.

Морально-нравственные соображения не исчерпывали недовольства новой властью со стороны интеллигенции. Не меньшее ее разочарование вызвано направленностью социально-экономической политики демократического правительства. 1992-й год обнаружил углубление разрыва между общественным идеалом демократического движения оппозиционных лет и целями новой власти. Этот идеал при всей его расплывчатости, стремлении избегать всевозможных «измов» — нет социализму, но нет и чистому капитализму — отличался острой критикой тоталитаризма и, совершенно очевидно, гуманистическим измерением характера нового общества. Политические, экономические и духовные свободы и возможности для всех, многообразие социальных интересов и вместе с тем социальное сотрудничество, материальное благополучие и духовное возрождение для каждого индивидуума в отдельности и народа в целом — так можно было бы обобщить его.

Увы, реальная политика демократических властей обнаружила мало общего с данным идеалом. Не вдаваясь в анализ этой политики и ее причин, отмечу только, что она способствовала свободному, стихийному «отбору» наиболее приспособленных к дикому рынку структур, к уванию, а в конечном итоге исчезновению наименее к нему приспособленных. Естественно, что бюджетные структуры оказались в результате в наименее выгодном положении. В самое плачевное положение попали наука, культура, образование — они продолжают, как и при социализме, дотироваться по остаточному принципу, но только пресловутый остаток при многомиллиардном государственном дефиците оказался совершенно ничтожным, обрекающим интеллигенцию на нищету.

Уже первый этап либерализации цен нанес по интеллигенции сокрушительный удар. Тогда одна из представительниц научной общественности сформулировала жесткий прогноз: «Как только, с января, жизнь наша подорожала в 5—10 раз при той же зарплате, и будет еще дорожать, этот процесс обнищания интеллигенции (обнищания материального и духовного) принял необратимый характер. И это посерьезнее утечки мозгов на Запад. Не в криках и воплях — в заклинаниях и клятвах, тихо и незаметно отойдет в прошлое то, что чудом сохранялось все эти злосчастные десятилетия, точнее, весь этот злосчастный век: прекрасная, наивная, бедная, с вечным чувством вины и с вечной верой, воспитанная моим любимым Антоном Павловичем русская интеллигенция»⁵. Часть интеллигенции, впрочем, пыталась сопротивляться, взяв на вооружение традиционное пролетарское средство — забастовку. Но сколько-нибудь существенных результатов это не принесло: стачка учителей или врачей не угрожала коллапсом производства, что могло быть следствием забастовки шахтеров, или крушением устоев правительства, как это могло случиться вследствие восстания армии. Интеллигенцию охватило отчаяние и апатия. Как меланхолично заметил Фазиль Искандер: «Иногда, глядя на то, что творится дома,

⁴ Адамович А. Хуже социализма могут быть только его развалины. «Известия», 24 июля 1992.

⁵ Кузичева А. «Люди Чехова» обречены на исчезновение. «Известия», 10 января 1992.

хочется удалиться в Беловежскую пушу и выйти оттуда в виде зубробизона. Так. Осмотреться. Впрочем, иногда ничего не хочется. И это гораздо хуже»⁶.

Усиливающееся отчуждение интеллигенции от демократической власти кто-то, по-видимому, может приписать ее эгоизму: ах, да она не готова жертвовать собою ради грядущего благоденствия нации! Опровергнуть такое обвинение труда не составит: принесение интеллигенции в жертву обществу прогрессу неизбежно грозит крушением самому прогрессу. В системе сообщающихся сосудов любого современного общества интеллигенция заполняет собой тот, который обеспечивает соответствующий уровень интеллектуального, духовного и культурного развития нации. Опустошение этого сосуда привело бы неизбежно к одичанию нации, превращению ее в общество первичных инстинктов. Только на первый взгляд может показаться, что прекращение, например, выпуска научной литературы в силу ее нерентабельности ничем не грозит обществу. На самом деле начавшееся крушение рынка научной литературы в России — это один из первоисточников ожидающей ее духовной, а потом и материальной деградации. Увы, число таких первоисточников с воцарением дикого рынка, сориентированного на удовлетворение первичных инстинктов, стремительно увеличивается: вслед за свертыванием выпуска научной литературы стремительно сокращается выпуск детской литературы и художественной классики. Книжные рынки вслед за кинотеатрами оказались в плену боевиков и эротики.

Приведенные рассуждения, возможно, могут показаться банальными. Но как ни странно, эти банальности остаются тайной за семью печатями для новой демократической власти. Чем иначе объяснить абсолютное отсутствие у нее программ цивилизованной социальной, научной, культурной политики? Парламент России, затративший массу усилий на укрощение средств массовой информации, ни разу не задумался, какая наука, образование, культура нужны новой России, а правительство, хорошо помнящее о своих обязательствах перед Международным валютным фондом и постоянно напоминающее о них народу, кажется, совершенно не озабочено судьбами духовной цивилизации в России. Критическое отношение интеллигенции к правительству, таким образом, обусловлено в существенной мере тем, что она оказалась начисто «забытой» в преобразовательных планах демократических властей. Но не меньше ее волнует и то, что в этих планах «забыты» и многие другие социальные слои, составляющие большинство народа. Действительно, долгое время российское правительство, кажется, вообще не задумывалось о социальной базе своих реформ, полагая, что рынок все расставляет по своим местам и является, следовательно, единственным регулятором социальной справедливости. И только когда к середине 1992 года 90% населения оказалось за чертой бедности, а перед народом России вновь возник злополучный вопрос «за что боролись?», российские власти стали спешно переиначивать программу приватизации, имея в виду превратить в собственников десятки миллионов сограждан. Но и новая программа страдает изрядным утопизмом, ибо простая задача приватизационных чеков всем членам общества не реанимирует производительные силы нации и, следовательно, не увеличит потребительскую корзину россиян. Не явит ли Россия миру новый парадокс: сто пятьдесят миллионов собственников, не уверенных, смогут ли они приобрести к столу хотя бы хлеб и молоко. «Богачи-бедняки» — это парадоксальное социальное состояние отнюдь не является для россиян нереальной перспективой на ближайшие годы.

Многих представителей интеллигенции не может не раздражать и то, что, пытаясь нейтрализовать критику в свой адрес, российские власти все чаще используют такие приемы, в первую очередь пропагандистскую демагогию, которые были характерны для их коммунистических предшественников. Как, например, расценить стремление проправительственных средств массовой информации объявить чехом всех критиков правительства «противниками реформ»? А как отнестись к их попыткам охарактеризовать все трудности и проблемы сегодняшнего дня исключительно как «родимые пятна» социализма и «наследие коммунизма»? С моей-то точки зрения, новое клише «родимые пятна социализма», как и прежде «родимые пятна капитализма», — это самый безыскусный способ отвести критику от власти. Настораживает и то, что новые власти берут на вооружение такие «классические» пропагандистские приемы старого режима, как признание нынешних трудностей закономерными и неизбежными на очень длительный период и предложение в качестве компенсации живущему поколению «светлого будущего» для внуков и правнуков. Но, конечно же, самый тревожный момент в отношении новых властей

⁶ И с к а н д е р Ф. Прыгучие деньги. «Литературная газета», 1992, № 3.

к критике — это стремление ряда властных структур, в первую очередь парламента, вовсе покончить с ней путем введения государственного контроля над средствами массовой информации.

Перечень противоречий, изъянов, двойных стандартов в политике новой власти можно было бы продолжать долго. Но и сказанного достаточно, чтобы понять объективную обусловленность охлаждения к новой власти со стороны интеллигенции, ее усиливающегося критицизма. Каковы же содержание и направленность критики интеллигенцией новой власти на сегодняшний день? Конечно, привести критическую позицию интеллигенции к общему знаменателю нельзя, в ней выделяются несколько тенденций. Среди этих тенденций одна, набирающая силу, представляется мне очень тревожной: она заключается в ностальгии по «России, которую мы потеряли» и в переносе критики российского правительства на либерально-демократические ценности в целом, которые российское правительство вроде бы декларирует, но воплотить в жизнь никак не может. Тенденция эта проявилась, на мой взгляд, и в статье Т. Панфиловой.

Статья эта, безусловно, пронизана болью за Россию, за ее нынешние трагические перипетии, она исповедует высокие нравственные критерии в оценке поведения и деятельности нынешнего российского истеблишмента. Все это вызывает у меня симпатию, да и с отдельными конкретными суждениями автора я согласен. Но в статье есть и явно несправедливые, тенденциозные оценки, которые выстраиваются в неприемлемую для меня линию консервативного романтизма. Например, Панфилова утверждает, что «пока насаждение рыночных отношений повлекло за собой разрушение хозяйственных связей, которое активно подкрепляется и усугубляется политическим развалом страны». На мой же взгляд, распад Советского Союза, а вместе с ним хозяйственных связей носил объективный характер, был обусловлен многими причинами, но рыночные отношения к этому распаду абсолютно никакого отношения не имели, поскольку на протяжении всей советской истории их просто не было. Критика Панфиловой неумелого введения правительством рыночных отношений увенчалась фактически отрицанием необходимости самого рынка. А по моему убеждению, он только и способен восстановить реальные и прочные хозяйственные связи между суверенными республиками бывшего СССР. Разве не рынок интегрировал, например, страны Западной Европы?

Наряду с рынком Панфилова также неприязненно отзываясь о намерениях ввести частную собственность: «Так, частная собственность насаждается политически с соответствующим идеологическим обрамлением. Это проявилось, например, в линии на ликвидацию колхозов и совхозов... Частному собственнику отдается предпочтение, а люди, выступающие за коллективные формы хозяйствования, автоматически зачисляются в разряд консерваторов и противников демократии безотносительно к тому, каковы их подлинные намерения». Что можно сказать по поводу этого суждения? Во-первых, обращают на себя внимание заключенные в нем неточности. Где Панфилова увидела, например, линию на ликвидацию колхозов и совхозов, если, по крайней мере к моменту написания ее статьи, ни один из них не был ликвидирован? Или как можно говорить о насаждении правительством частной собственности, если соотношение между нею и государственной собственностью остается у нас сегодня почти таким же, как и до начала реформ? Но главное не в этих и не в других вольных оценках автора, а в принципиальной оценке роли и значения частной собственности в обществе.

На протяжении всей своей статьи Панфилова отстаивает идеал гуманизма и гуманистическое измерение целей реформ, заключающиеся в обеспечении свободного развития каждого члена общества. С этим полностью солидарен и я. Но как может быть достигнут этот идеал? Истории известны два его идеологических обоснования. Один, хорошо знакомый всем нам, принадлежал марксизму и отводил коллективизму и пролетарскому государству решающую роль в реализации гуманистического идеала. Другой, нам практически неизвестный, принадлежал либерализму и отдавал решающую роль личности, каждому суверенному индивиду в процессе утверждения того же гуманистического идеала. Может быть, это кого-то удивит, но марксизм и либерализм имели в виду фактически одно и то же: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Вот только средства для достижения этого идеала использовались разные.

Во второй половине XX века стало ясно, что либеральное обоснование гуманизма одержало верх над марксистским и что именно оно было реалистическим, а марксистское — утопичным. Конечно, победу над марксизмом одержал не либерализм XVIII века, а современный социальный либерализм, который включил в естественные и неотъемлемые права человека наряду с экономическими, в частности и правом индивидуума на собственность, также политические и

социальные. Так что налицо конвергенция либерализма с принципами социализма, о чем справедливо пишет Панфилова. Но это не отрицает того, что именно исторический путь либерализма, объявлявшего экономическую и политическую свободу личности не только целью, но и средством продвижения к ней, оказался реалистическим путем к тому идеалу, который разделяет и Панфилова. Путь этот немислим без обеспечения способности и возможности каждого индивидуума обладать собственностью. Так не стоит ли в этом случае поддерживать, а не осуждать попытки российского руководства восстановить частную собственность в ее законных правах? Другое дело, что эти права должны строго регулироваться законодательством, отвечающим современному уровню цивилизации, и не вступать в антагонистические отношения с социальными правами тех, кто не является собственником. Как достичь этого — над этим стоит ломать голову, не отрицая при этом очевидной целесообразности и правомочности частной собственности.

Некоторые заключения в статье Панфиловой поражают удивительным сходством с типичными клише национал-патриотов. Например, такой ее риторический вопрос: совместимы ли желание сохранить политическую независимость и стремление «войти в мировое сообщество»? Да где же доказательства утраты независимости, неужели не очевидно, что Россия сегодня страдает не от избытка иностранных капиталовложений, а от их недостатка, что иностранные партнеры не стремятся, а боятся входить в непредсказуемое российское пространство. Или такое заключение: «...теперь господствующая идеология (не желающая именоваться официальной) столь же однозначно предпочитает «капитализм», достижение которого вновь связывается с подгонкой человека под такие абстракции, как «приватизация», «либерализация», «суверенизация». Мне непонятно, что капиталистического в этих абстракциях, и я полагаю, что господствующую в России идеологию капиталистической назвать нельзя. Она пока крайне аморфна и заслуживает столь же аморфного названия «постсоциалистическая» или «пост-административная».

Оценки Панфиловой реформ российского правительства типичны для части нашей интеллигенции, в том числе демократической, яркими примерами тому являются публичные выступления Ю. Власова, Т. Карягиной, С. Говорухина. Да, эти люди искренни, они болеют за народ, они точно указывают на многие пороки новой власти и на тенденцию перерождения в поведении ее представителей, но в альтернативной их программе явно заключена тоска по «России, которую мы потеряли». Концепция «России, которую мы потеряли», на мой взгляд, является одной из самых опасных в современном общественном сознании, а ее торжество означало бы крах всех надежд на победу демократии и гуманизма в нашем отечестве.

О какой, собственно говоря, России идет речь? Очевидно, что потеряли мы не одну, а две во многом разные, но во многом и схожие России: одна Россия дореволюционная, царская, а вторая — послереволюционная, коммунистическая. Различия между ними огромны — в первой родился капитализм, а во второй социализм, но и сходство значительно: обе России были тоталитарными, что обрекало на уродливое развитие в первой капитализма, а во второй социализма. Тоталитаризм довлел над всем и вся в обеих Россиях настолько, что реформировать их оказалось совершенно невозможно. Реставрация «России, которую мы потеряли», хоть дворянско-капиталистической, хоть большевистско-коммунистической, означала бы возвращение на один из двух тупиковых путей в русской истории. Россия может возродиться только на третьем пути, который интегрирует ее подлинно демократические традиции, традиции Рублева, Чаадаева, Толстого, Чехова, с общечивилизационными достижениями, среди которых гражданское общество, правовое государство, естественные и неотъемлемые права человека на жизнь, свободу, доступ к материальным, политическим, духовным возможностям, заключенным в окружающей его общественной среде, и, конечно, на обладание созданной, приобретенной или унаследованной им собственностью.

Если уж и следует критиковать новые российские власти, так за то, что столь неумелыми оказались попытки вывести Россию на общечивилизационный путь. Некоторые из причин кризиса и неудач реформаторского курса российского руководства, как я их понимаю, были уже названы. Среди других причин на первое место я бы поставил некомпетентность правительства. Вспомним, что уже первый прогноз команды Гайдара имел печальные социальные последствия. Отпуская с января 1992 года цены, правительство прогнозировало их рост в три раза и с учетом этого установило индекс повышения заработной платы в бюджетных сферах и пенсий в 70%. Но цены увеличились более чем в 20 раз, так что запланированное увеличение зарплаты и пенсий,

оказавшееся мизерным в сравнении с реальным ростом цен, привело сразу к обнищанию 90% населения и дискредитировало реформу правительства. Финансово-кредитная и налоговая политика правительства в отношении предприятий привела к тому, что даже самые рентабельные среди них оказались на грани краха. Вместо рыночной конкуренции в промышленности утвердился диктат монополий, который привел к параличу покупательной способности большинства граждан, сельскохозяйственных, да и всех иных потребителей промышленной продукции. В политике Центрального банка России отмечены поразительные шарахания и даже повороты на 180 градусов. Отсутствие в политике властей системности, отказ от учета социальных, социально-психологических, политических факторов оставили правительство без какой-либо массовой социальной опоры и поставили под угрозу курс на модернизацию России.

Низкую компетентность правительства реформ признают и его сторонники. Так, глава администрации Нижнего Новгорода и один из известных реформаторов Б. Немцов объяснял провалы центрального правительства «низкой квалификацией» и тут же пояснял: «Уничтоженный генофонд дал катастрофические последствия. Даже самые благостные идеи некому воплощать в жизнь»⁷. Советник президента России по науке А. Ракитов так характеризовал интеллектуальный багаж реформаторов: «Мы не знаем: реального состояния экономики из-за отсутствия достоверной статистической информации; как бороться с надвигающейся гиперинфляцией из-за отсутствия финансовой компетентности; как осуществлять инновационную и технологическую политику, обеспечивающую современный рынок высокопродуктивным производством»⁸.

Некомпетентность стала поистине бичом российских реформаторов. А ведь команда Гайдара — это все выходцы из академической среды, причем ее молодой, наиболее прогрессивной и образованной части. Неудачи ее оказались неприятной неожиданностью для маститых наставников реформаторов. И вот уже сам академик С. Шаталин кается, выступая по телевидению, в собственной некомпетентности. А что в таком случае можно сказать о представителях среднего и нижнего звеньев научно-творческой интеллигенции? Да, некомпетентность — наша общая болезнь. И критикам правительства из рядов интеллигенции нужно отдавать себе в этом отчет: ниспровергая курс правительства, они, на мой взгляд, имеют моральное право возбуждать народ, призывать его к действию только в том случае, если уверены, что их предложения по выходу из тупика более основательны, более компетентны, чем правительственные. Увы, такие предложения в страстных обличениях критиков как раз и отсутствуют.

Честнейший из честнейших представителей интеллигенции Юрий Власов, обрушивая в средствах массовой информации гнев на правительство, справедливо указывая на обнищание народа вследствие реформ, не может предложить никакой реалистической, научно обоснованной программы по выходу из тупика. А поскольку он выступает со страниц газеты «Правда», то у народа может создаться впечатление, что он поддерживает ее программу возрождения «России, которую мы потеряли» в коммунистическом варианте. Станислав Говорухин, апеллирующий своим фильмом к десяткам миллионов людей, имеет в виду возрождение другой «потерянной России» — дореволюционной. Но какими способами он обосновывает ее преимущество? Теми, которые в среде профессиональных историков характеризуются как фальсификация.

В фильме Говорухина дается противопоставление идеальной дореволюционной и отвратительной в своей деградации послереволюционной России. Все прекрасно в «России, которую мы потеряли»: промышленники преумножают богатства нации и заботятся о рабочих; крестьяне кормят досыта всю страну и еще вывозят зерно за границу; монархия и православие мудро «пасут» одухотворенный народ. Вот только непонятно, как при такой идиллии возникли большевизм, терроризм и произошли кряду три кровавые революции, ведь, скажем, в Англии и США при схожем благоденствии ничего подобного не случилось. А куда в говорухинской России подевались еврейские погромы, распутинщина, стольпинские «галстуки», позорные военные поражения России от Японии и Германии? И по какому такому дьявольскому наговору в одночасье рухнула великая империя? Говорухину ответ ясен: виной всему злая воля людей с нерусскими корнями. Эту идею «заговорного» происхождения всех несчастий России проповедует

⁷ Как живете, господин губернатор? «Аргументы и факты», 1992, № 28.

⁸ Ракитов А. Цивилизация, культура, технология и рынок. «Вопросы философии», 1992, № 5, с. 14.

кинорежиссер, считающий себя демократом, а санкционирует ее научный консультант фильма С. Станкевич, профессиональный историк, кандидат наук, советник президента России!

Пример с Говорухиным, поучающим новую власть, как и в какое русло следует направить реформы, является, конечно, крайним выражением откровенно идеологизированного и некомпетентного выступления против того курса, который пытается проводить правительство. Более распространенной стала критика, в которой указания на очевидные провалы российского руководства сопровождаются рекомендациями о том, какую реформу надо было проводить раньше, а какую позже, где нужно было «поднажать», а где «отпустить вожжи». Но в подавляющем большинстве случаев критика как «справа», так и «слева» носит декларативный характер: ярые рыночники любое государственное регулирование встречают криком «это мы уже проходили», а поборники социальной справедливости на всякие меры либерализации экономики отвечают возгласами о их неприемлемости для российских условий. Профессиональные же, всесторонне просчитанные и научно обоснованные экспертизы, а тем более альтернативы курсу российского руководства встречаются крайне редко, а широкой публике вообще не известны.

На протяжении последних лет отечественная интеллигенция активно участвует в битве деклараций, идеологем, доктрин. Кандидаты и доктора наук, члены-корреспонденты и академики высказывают зачастую противоположные взгляды не только по крупным социально-экономическим, но и по мелким проблемам, касающимся «техники» реформ. Причем взаимоисключающие суждения разделяют как консерваторов и демократов, так и каждый из этих лагерей. Приведу один из многих поразительных примеров на этот счет — взаимоисключающие оценки телеграммы председателя Центробанка В. Герашенко от 28 июля 1992 года, в которой предписывалось предоставлять кредиты государственным предприятиям на покрытие задолженности по взаиморасчетам. Демократ П. Филиппов, кандидат экономических наук, председатель подкомитета по приватизации Верховного Совета России расценил эту телеграмму как контрреволюционный акт, означающий смертельную угрозу для всего реформаторского курса⁹. Другой не менее известный демократ и либерал, член-корреспондент Российской академии наук и член Консультативного совета при президенте России П. Бунич, напротив, увидел в телеграмме проявление общецивилизационного подхода, а в нарастающих банковских кредитах — обязательное условие быстрого вхождения в рынок¹⁰. Ни тот, ни другой, однако, не дали какого-либо расчета последствий кредитов Центробанка для экономики.

Декларативностью отмечены программы и иные документы новых российских политических партий, разных общественных объединений. И не в этом ли одна из причин низкого доверия к ним со стороны народа? Да, программы партий, выступления их лидеров в чем-то отличаются друг от друга, но все они неизменно декларативны. Политические партии поражены дилетантством — это, на мой взгляд, очевидно даже для обывателей. Но кто, как не интеллигенция, несет за это ответственность?

В заключение не премину вновь вернуться к знаменитому, приближающемуся к своему 90-летию, но не утратившему актуальности сборнику «Вехи». Авторы его призывали интеллигенцию не просто отойти от политической агитации и идеологических сражений, они объявляли, что главный долг интеллигенции — углубиться в профессиональные занятия, отдать им себя без остатка. Разве не актуален сегодня этот призыв: интеллигенция, обрети профессионализм, компетентность, и это будет твоим главным вкладом в возрождение России!

⁹ Филиппов П. Директива главы Центробанка грозит катастрофой. «Известия», 3 августа 1992.

¹⁰ О ценах, зарплатах и не только. «Аргументы и факты», 1992, № 29—30.